

89-9
702

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЧЕТВЕРТЬ ВЕКА БОРЬБЫ ЗА СОЦИАЛИЗМ

10629.

ф.

Хрестоматия по истории Р. К. П.

БИБЛИОТЕКА
ИМЕНИ ТОВАРИЩА ЛЕНИНА.

к

Издательство Заккрайкома Р. К. П. (б.).
Т и ф л и с
1923.

Инд. № ~~27966~~

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	Стр.
От редакционной комиссии.	3
Двадцать пять лет РКП	5
Опыт РКП—достояние мирового коммунизма	7
Особенности развития РКП	7
В борьбе с какими врагами возникла и развилась РКП	8—10
Образование с.-д. партии. Зарождение большевизма	11—13
Главнейшие этапы в развитии большевизма	13—16
Возникновение и развитие РКП (большевиков).	16—17
На заре рабочего движения.	19
Первый с'езд Р. С.-Д. Р. П.— <i>Б. Эдельмана</i>	21—26
Манифест Р. С.-Д. Р. П.	26—27
Решения первого с'езда Р. С.-Д. Р. П.	27
Дальнейшая судьба некоторых организаторов перв. с'езда— <i>В. Невскою</i>	27—28
Северно-Русский Рабочий Союз— <i>Г. Плеханова</i>	28—30
Программа Северно-Русского Рабочего Союза— <i>Н. Батурина</i>	30
Благоевская группа— <i>В. Невскою</i>	31—32
Проект программы Благоевской группы	32
Рабочие кружки в Петербурге.— <i>В. А. Шелунова</i>	32—34
Первые маевки в России— <i>С. Валка</i>	34—37
О первом кружке С.-Д.Р.П. г. Екатеринослава в 1894 г.— <i>А. Смирнова</i>	37—38
Петербургские стачки 1896 г.— <i>В. Колменского</i>	39—40
Николаевский Южно-Русский Союз— <i>В. Стратена</i>	40—44
Полузабытое— <i>М. Эссен</i>	44—46
От первого до второго с'езда— <i>Л. Мартова</i>	46—51
Июльские стачки— <i>Д. Сверикова</i>	52
О чем говорят нам июльские дни— <i>В. Засулч.</i>	52—54
На пути к власти.	55
С.-д. организация в Петербурге накануне 9-го января— <i>В. Невскою</i>	57—59
9-е января 1905 года— <i>М. Горького</i>	59—61
Перед грозой— <i>Д. Сверикова</i>	61—63
Петербургский Совет в 1905 г.— <i>Л. Троцкого</i>	63—68
После 1905 года— <i>М. Ольминского</i>	68—69
Под гнетом контр-революции	69—72
Ленский расстрел— <i>Г. Лелевича</i>	72—75
Политическая стачка в России— <i>Л. Каменева</i>	75—78
Выход из подполья— <i>В. Н. Залежского</i>	79—81
Приезд тов. Ленина в Россию— <i>Ф. Раскольникова</i>	81—83
Октябрьская революция— <i>Л. Троцкого</i>	83—84
Об историческом смысле Октября— <i>Я. Яковлева</i>	84—86
Коммунистическая партия после Октября— <i>А. Эссена</i>	86—87
На шестой год— <i>В. Молотова</i>	87—90
Борьба за революционный марксизм.	91
Истинные задачи социалистов в России— <i>Г. Плеханова</i>	93—96
Речь на Междунар. раб. социал. конгрессе в Париже в 1889 г.— <i>Г. Плеханова</i>	96—97
Русские субъективисты— <i>Г. Плеханова</i>	97—99
Стихийность масс и сознательность соц.-демократии— <i>Н. Ленина</i>	100—102
Партийность и кружковщина— <i>Н. Ленина</i>	102—103
Две тактики— <i>Н. Ленина</i>	103—107
Революционный авантюризм— <i>Н. Ленина</i>	107—111

	Стр.
Бойкот Первой Думы— <i>Н. Ленина</i>	111—113
Руководитель демократической революции или ее орудие?— <i>Л. Каменева</i>	113—114
Об отзовизме— <i>Л. Каменева</i>	114—117
С.-демократические октябристы— <i>Г. Плеханова</i>	117—118
Ликвидаторы и рабочее движение— <i>Л. Каменева</i>	118—120
Об эмпириокритицизме— <i>Н. Ленина</i>	121
Об эмпириомонизме— <i>Г. Плеханова</i>	121—123
Не по дороге— <i>Л. Каменева</i>	123—125
Манифест о войне—Цен. Ком. Р. С.-Д. Р. П.	125—126
От ликвидаторства к национал-ликвидаторству— <i>Г. Зиновьева</i>	127—129
О „демократии“ и диктатуре— <i>Н. Ленина</i>	130—131
Диктатура пролетариата— <i>Л. Троцкого</i>	131—133
О самоопределении наций— <i>Н. Ленина</i>	133—134
Революционная тактика и „левое“ доктринерство— <i>Н. Ленина</i>	134—136
О компромиссе— <i>Н. Ленина</i>	137
Пролетариат и крестьянство— <i>Н. Ленина</i>	138—141
Партийная пресса.	143
Партийная пресса в России— <i>М. Эссен</i>	145—146
Марксизм в ранней русской литературе— <i>П. Орловского</i>	146—148
„Рабочая Заря“ № 1.	148—149
Легальный марксизм— <i>П. Орловского</i>	149—151
Спор народников с марксистами— <i>Б. Горева</i>	152—153
Журнал „Наше Дело“— <i>В. Невского</i>	153—155
Группа „Рабочей Газеты“— <i>Б. Эйдельмана</i>	155—158
Объявление об издании „Искры“	158—159
Рабочая газета „Правда“— <i>М. Ольминского</i>	160—166
Газета „Правда“ и заграничный большевистский центр— <i>Г. Зиновьева</i>	166—168
„Голос“ и „Наше Слово“— <i>Л. Троцкого</i>	168—169
Последняя нелегальная типография— <i>Лашиса</i>	169—170
Наши вожди.	171
Беглые мысли о Плеханове— <i>Л. Троцкого</i>	173—174
Плеханов в борьбе с противниками революционного марксизма— <i>Б. Горева</i>	175—177
Плеханов и Октябрьская революция— <i>Н. Пурданского</i>	177—178
О литературном наследстве Плеханова— <i>Л. Дейча</i>	178—179
Вожди пролетарской революции— <i>М. Эссен</i>	179—181
Национальное в Ленине— <i>Л. Троцкого</i>	181—182
Ленин, как революционный теоретик— <i>Н. Бухарина</i>	182—183
Организатор и вождь РКП— <i>Н. Сталина</i>	184—186
Автобиографическая заметка— <i>Л. Троцкого</i>	186—188
Первые шаги— <i>В. Невского</i>	188
Л. Троцкий—организатор победы— <i>К. Радек</i>	189—191
Партия на Кавказе.	193
На заре рабочего движения (1893—1903 г.г.)— <i>С. Годрия</i>	195—196
Падение Советской власти в Баку в 1918 году— <i>А. Эссена</i>	196—202
К истории Компартии в Закавказьи— <i>Ф. Махарадзе</i>	202—209
Первое первомайское празднование в Гурии— <i>Ф. Каландадзе</i>	209—211
Из славной истории 1903—1910 гг.	211—212
Из истории Компартии в Грузии— <i>Т. Жикети</i>	213—215
Коммунисты в Армении— <i>С. Ханояна</i>	215—221
Основные моменты развития Азерб. Компартии— <i>Д. Гусейнова</i>	221—226
Воспоминания о революционном движении в Закавказьи— <i>С. Якубова</i>	226—227
К истории празднования 1-го мая на Кавказе.	227—234
История подпольной печати	235—245
Из прошлого нашей партии (1904—1908 г.г.)— <i>А. Стопани</i>	245—252
К истории Компартии на Тереке— <i>С. Такова</i>	253—

Истинные задачи социалистов в России.

Итак, «русский социализм» как он выразился в партии «Народной Воли», до тех пор останется чуждым великим задачам европейского социализма, пока он не покинет безвозвратно своего промежуточного положения между анархизмом Бакунина и бланкизмом Ткачева, т. е. пока он не признает бесплодности теоретических построений г. Тихомирова.

Но, так как эти построения представляют собою последнюю, отчаянную попытку оживить наши революционные теории доброго старого времени, то высившись до такого признания, наш социализм перестанет быть «русским», и сольется со всемирным социализмом, «как он выразился» в сочинениях Маркса, Энгельса и отчасти Лассалья.

Его сторонники поймут тогда, что:

1) Коммунистическая революция рабочего класса никоим образом не может вырасти из того мелкобуржуазного социализма, проповедниками которого являются в настоящее время почти все наши революционеры.

2) По внутреннему характеру своей организации, сельская община прежде всего стремится уступить место буржуазным, а не коммунистическим формам общезжития.

3) При переходе к этим последним, ей предстоит не активная, а пассивная роль; она не в состоянии двинуть Россию на путь коммунизма; она может только менее сопротивляться такому движению, чем мелкое подворное землевладение.

4) Инициативу коммунистического движения может взять на себя лишь рабочий класс наших промышленных центров, класс.

5) освобождение которого может быть достигнуто только путем его собственных сознательных усилий.

Раз понявши эти простые истины, русские социалисты «из привилегированной среды» оставят помыслы о захвате власти, предоставляя его нашей рабочей социалистической партии будущего. Их усилия направятся тогда лишь к созданию такой партии и к устранению всех условий, неблагоприятных для ее роста и развития.

Само собою понятно, что такого рода деятельность не может иметь ничего общего с тем объединением рабочего класса посредством «обезземеления, штрафов и зуботычин», о котором говорит г. Тихомиров, как об исходе, единственно возможном в настоящее время для русских социал-демократов. Одной этой выдумки было бы достаточно для увековечения литературного имени нашего автора, если бы она, подобно всем прочим его выводам, не отличалась полным отсутствием оригинальности. Наш автор и в этом случае повторил лишь то, что давно уже говорилось и печаталось нашими легальными и нелегальными народниками. Даже беллетристы «мужиковствующего» направления отводили марксистам в своих произведениях роль каких-то приспешников капитализма. Года два тому назад г. Эртель поместил в «Вестнике Европы» повесть «Волконская барышня». В этом забавном

произведении фигурируют и либеральный землевладелец, и просвещенный буржуа, и народник—занимающийся отчасти собиранием песен, а отчасти амурами с героиней повести,—и, наконец, марксист, посвятивший свои силы на усовершенствование земледельческой культуры в имении либерала-помещика. Эртелевский марксист не любит, правда, «штрафов и зуботычин», но он приходит в восторг при одной мысли о приобретении помещиком какой-нибудь новой машины, не говорим уже завода или фабрики. Он так проникся интересами капитализма, что немедленно заключает тесный и братский союз с упомянутым уже просвещенным буржуа, как только последний приезжает в гости к его патрону. Такая «программа», действительно, не заключает в себе ничего привлекательного, но в этом не виноват ни марксизм вообще, ни упомянутый марксист в частности. Этот последний мог придумать лишь такую программу, какой угодно было наградить его г. Эртелю. Давно уже замечено, что яблоко не далеко падает от яблони, и что герои беллетристических произведений не бывают догадливей их авторов. В подтверждение этой старой истины можно было бы привести то новое доказательство, что сам эртелевский народник говорит целый ряд ни с чем несообразных вещей, например, в разговоре с марксистом, которого он уверяет, что теперь Марксу «пришел карачун», вследствие появления каких-то новых статей в каких-то русских журналах (уж не статей ли г. В. В. в «Отечественных Записках»). Если читатель примет в соображение эту истину, то, снимая вину с «марксиста», он тем более снисходительно должен будет отнести к самому марксизму, преступление которого заключается лишь в том, что его не в силах были понять и оценить русские самобытники.

При сколько-нибудь внимательном отношении к вопросу, очевидно, что социал-демократы не только никогда и нигде не могут быть союзниками буржуазии в деле порабощения рабочих, но, наоборот, только они и могут организовать серьезный отпор капиталистической эксплуатации. Для наглядности опять обратимся к практическому примеру. Припомним современное положение ткачей-кустарников и посмотрим, как могут и должны отнестись к ним различные социалистические фракции.

Об анархистах говорить много нечего. Они рекомендовали бы кустарям «пропаганду действием», посоветовали бы им взорвать тот или другой трактир, изувечить того или другого фабриканта. Никакого систематического образа действий не может указать программа, главной особенностью которой является отрицание всякой логической последовательности, всякой системы. Для нас интереснее бланкисты. На родине Бланки, во Франции, последователи этого замечательного человека представляют собою людей систематического образа действий лишь постольку, поскольку программа их утрачивает свои отличительные свойства и сливается с программой «Рабочей партии», как это мы видим в выборной агитации, в пропаганде классово-борьбы и т. д., и т. д. В тех же слу-

чаях, когда бланкисты сохраняют во всей неприкосновенности свой «особый отпечаток», их образ действий теряет всякую руководящую нить и сводится к формуле—«шумим, братец, шумим». Сегодня они агитируют в пользу поднесения почетного револьвера Березовскому, завтра требуют уничтожения пестряной армии, послезавтра горячатся по поводу «Искусительной Капеллы» и т. п. Такого рода «шумная» деятельность, разумеется, невозможна для русских последователей Бланки, т. е. для явных или тайных сторонников «Набата». В России агитационная деятельность бланкистов по необходимости сводится, главным образом, к «террору»; организационная—к созданию тайных обществ заговорщиков. Спрашивается, какую роль может играть при этом кустарь, как таковой, т. е. не затерявшийся среди интеллигенции, а остающийся при своем ремесле и при всех тех отношениях к капиталу, которые навязаны ему историей? В террористической борьбе могут принимать участие только отдельные личности. Приглашать же кустарей к сплочению в одну рабочую партию теперь несвоевременно, так как «рабочий», способный к классовой диктатуре, почти не существует, стало быть, политической власти ему не доставишь и т. д. Ткачам остается уповать на будущее, и поддерживать революционную партию в ее стремлении к захвату власти, в той надежде, что результатом такого захвата будет «начало социалистической организации России».

Вот приедет барин,
Барин нас рассудит.

Но «барин» может опоздать своим приездом, он может совсем не приехать, может подвергнуться изгнанию тотчас по приезде, не успевши положить знаменитое «начало». Какую же практическую, непосредственную пользу принесет кустарям революционное движение? Уяснит ли оно им их собственное положение, научит ли оно их дружному, организованному отстаиванию своих интересов?

Нет, не научит. А если и научит, то лишь случайно и мимоходом, так как главные усилия бланкистов направляются вовсе не в сторону социалистической пропаганды между рабочими. Мы уже видели, что тихомировская революция надеется собрать народные силы вокруг таких «пунктов», для уяснения которых «не нужно никакой особенной пропаганды». А между тем, для серьезной и действительно успешной борьбы кустарей с их эксплуататорами, необходима именно «особенная пропаганда». Отсюда следует, что при всем своем желании «брать народ, как он есть», русские бланкисты не могут не игнорировать целого ряда его практических нужд и потребностей.

В какое положение станет к кустарям русский социал-демократ, так часто и так настойчиво обвиняемый в фантазерстве и непрактичности? Зная, что освобождение рабочих должно быть делом самих рабочих, и что степень капиталистической эксплуатации определяется, между прочим, уровнем потребностей и развития эксплуатируемых, он постарается побудить рабочих к самостоятельной борьбе против капитала. Так как разрозненные усилия рабочих отдельных фабрик и мастерских не могут обеспечить удачного исхода такой борьбы, то ему нужно будет сообщить ей классовый характер. Для этого ему придется энергично и настойчиво вести «ту особенную пропаганду», которая называется пропагандой социализма. Но мы знаем уже, что всякая классовая борьба есть борьба политическая. Поэтому пропаганда нашего социал-демократа должна будет немедленно принять социально-политический характер. Нем скажет рабочим: «возвышение уровня нашего материального благосостояния возможно лишь при решительном вмешательстве со

стороны государства. Одним из вас, именно тем, которые почти окончательно стали уже фабричными рабочими, оно может и должно помочь, прежде всего, путем законодательного ограждения интересов взрослых работников, женщин и детей; те же из вас, мелкое самостоятельное производство которых еще борется против капитализма, могут упрочить свое положение лишь посредством кредита, выдаваемого государством рабочим ассоциациям. Но не всякое государство возьмет на себя роль нашего союзника. Государство будет всецело на нашей стороне лишь тогда, когда оно всецело будет нашим, рабочим государством. К этой цели и должны быть направлены все ваши усилия. А пока эта цель не достигнута,—вы должны заставлять делать вам уступки даже враждебное вам государство. Не забывайте при этом, что уступки эти будут тем решительнее, чем решительнее вы будете их требовать, чем сильнее будет ваша партия. Создавайте же такую партию, сплывайтесь в одну грозную и дисциплинированную силу. Когда вам удастся одержать окончательную победу, тогда вы совсем сбросите иго капитала, а до той поры вы будете держать его хоть в какой-нибудь узде, и предохраните, по крайней мере, себя и своих детей от физического, нравственного и умственного вырождения. У вас есть только два выхода из вашего современного положения: или борьба, или полное подчинение капиталу. Я зову с собою тех, которые хотят бороться».

Как выдумаете, читатели, не будет такого рода деятельность наиболее практичной из всех возможных? Вы скажете, что успехи ее будут слишком медленны и неверны. Допустим, что так; но другие роды деятельности сулят еще менее верные успехи. Ни анархическая «пропаганда действием», ни бланкистские заговоры—ни на шаг не подвинут классовой борьбы в России, а от хода этой борьбы только и зависит эмансипация рабочих.

Социал-демократ, конечно, сделает лишь то, что может; но преимущество его положения заключается в том, что он может сделать для рабочего класса гораздо больше, чем всякий другой «социалист-революционер». Он внесет в рабочий класс сознание, без которого невозможно начало серьезной борьбы с капиталом. А раз внеся это сознание, он придает революционному движению такую силу, прочность и интенсивность, о каких невозможно и мечтать, оставаясь при старых «программах».

И заметьте, что нашему социал-демократу вовсе не нужно «хлопотать»—характерное для русского человека выражение—о создании класса, во имя которого он хочет действовать. Только при полном незнании экономических отношений современной России, можно быть в неведении относительно того бесспорного обстоятельства, что класс этот частью создан, частью все скорее и скорее создается неумолимым ходом общественного развития. Только при полном непонимании исторической роли всенивелирующего капитала—можно сравнивать положение нашего рабочего класса с более или менее исключительным положением нашего «дворянства». Французским англоманам конца прошлого и начала нынешнего столетия не удалось пересадить на свою почву аристократических учреждений Англии; но французская рабочая партия может, ни мало не впадая в утопию, держаться той же самой программы, что и английская федерация. Откуда такое различие? Это секрет, который, впрочем, без труда откроет сам г. Тихомиров, если он внимательно прочтет хотя бы «Манифест Коммунистической Партии». Рекомендую ему это замечательное произведение, мы, с своей стороны, скажем еще несколько слов о задачах социалистов того «направления», ко-

торое считает исторической неизбежностью «русский капитализм», и к которому принадлежим мы сами.

Наиболее обыкновенным доводом против этого направления, доводом, если не «от разума», то от сердца,—является указание на невозможность быстрого развития революционного движения в России, в том случае, если шансы его будут приурочены лишь к силе и росту русского рабочего класса.

Это-то соображение и возбуждает—с одной стороны, склонность к самобытным программам, а с другой—уже упомянутое опасение того, что самим революционерам придется, пожалуй, определиться на службу русскому капиталу. Этот довод не замедлят, конечно, выставить и против нашей аргументации.

Мы считаем, поэтому, нелишним обратить внимание читателей на странную непоследовательность людей, от которых приходится слышать возражения, подобные только что приведенному. Именно эта непоследовательность наглядно показывает, что многие из так называемых учеников Чернышевского усвоили одни результаты его исследований, не составивши себе ни малейшего понятия о методе своего учителя.

Когда заходит речь о вероятной судьбе русского капитализма или об его влиянии на наши политические отношения, то народники начинают обыкновенно с указания на то, несомненное будто бы, обстоятельство, что капитализм наш находится на той же ступени развития, на какой стоял он «в западной Европе» более века тому назад. Из этого делается тот вывод, что целое столетие должно пройти прежде, чем капитализм сослужит нашей истории ту же «службу», которую он сослужил истории «Запада». Это долго; а так как наша интеллигенция давно уже привыкла подставлять на место революционного развития свою революционную волю, то она обращает свои взоры на общину, и ссылается на доказанную Чернышевским возможность непосредственного перехода ее в социалистическую форму общежития. Таким образом, она апеллирует к вероятности полного устранения одной из фаз общественного развития—в значительной степени потому, что не понимает возможности сокращения продолжительности этой фазы. Ей и на мысль не приходит, что полное устранение данного исторического периода есть лишь частный случай его сокращения, и что, доказывая возможность первого, мы тем самым, и притом в гораздо более сильной степени, подтверждаем вероятность—второго.

Мы видели уже выше на примере П. Н. Ткачева, что эта грубая логическая ошибка легла в основание программы наших бланкистов. Но, к сожалению, ее повторяют не одни бланкисты.

Очень и очень многие думают, что социальная революция может совершиться в России «теперь», или очень нескоро, быть может, «никогда», т. е., другими словами, или на основе наших современных экономических отношений, или на основе того строя, создание и упрочение которого отходит в самую туманную даль. Но мы знаем уже,—и этому учит нас история той же западной Европы,—что для капитализма труден был только первый шаг, и что его непрерывное движение от «Запада» к Востоку совершается с постоянно возрастающим ускорением. Не только развитие русского капитализма не может быть так же медленно, как было оно, например, в Англии, но самое существование его не может иметь такой продолжительности, какая выпала на его долю в «западно-европейских странах». Наш капитализм отцветет, не успевши окончательно расцвести, за это ручается нам могучее влияние международных отношений. Но что дело подвигается, тем не менее, к его более или менее полному торжеству — в этом также невозможно сомневаться

Ни голословные отрицания уже существующего факта, ни скорбные возгласы по поводу распада старых, «вековых» форм народного общежития—ничто не остановит страны, «ступившей на след естественного закона своего развития». Но это развитие может быть более или менее медленным, роды окажутся более или менее мучительными—в зависимости от комбинации всех общественных и международных отношений данной страны. Более или менее благоприятный для рабочего класса характер такой комбинации, в свою очередь, зависит от поведения людей, понявших смысл предстоящей их стране эволюции. Развитие капитализма в Германии застало рабочий класс на более высокой ступени развития, чем в Англии или во Франции, а потому и отпор капиталистической эксплуатации в этой стране, был быстрее и решительнее. Немецкие коммунисты и не думали определяться на службу капитализму. Они знали, что более или менее близкая победа рабочего класса зависит, между прочим, от влияния на этот класс людей, понявших смысл исторического развития. Они деятельно взялись за пропаганду в рабочей среде, и успех превзошел их ожидания. Почему бы нам нельзя было последовать их примеру?

Фабрикант так же немислим без рабочего, как античный «господин» был, по замечанию Аристотеля, немислим без раба. Развитие буржуазии предполагает развитие рабочего класса; исторический рост капитализма представляет собою двусторонний процесс, при чем на каждой из его сторон группируется соответствующий общественный класс. В целом, каждый из этих классов прикован к своему месту «крепче, чем цепи Вулкана приковали Прометея к скале». В капиталистическом обществе товар господствует над производителем и предписывает ему его поведение. Но для отдельных личностей есть возможность сознательного выбора между каждым из противоположных полюсов. К таким личностям принадлежат наши так называемые «интеллигентные люди». От их собственного нравственного и умственного развития будет зависеть то или другое отношение их к делу рабочего класса. И никакие софизмы не могут дать нравственно оправдания социалисту, перебежавшему в лагерь эксплуататоров. Да и софизмы-то, возможные в этом случае, настолько жалки и бессильны, что ни на минуту не могут показаться убедительными человеку, умеющему правильно построить хоть один силлогизм.

Лишь при свойственной нашим самобытникам прямолинейности и угловатости воззрений, возможны толки о логической необходимости личного участия социалиста в процессе капиталистического развития страны. Самобытник привык подставлять на место исторического развития свою собственную волю, привык довольствоваться догматическим мирозерцанием, вместо критического. Он рассуждает так: капитализм неизбежен, как переходная фаза; поэтому необходимы люди, которые создавали бы капиталистические отношения. А между тем, я не могу уже служить рыцарям первоначального накопления, я не могу «грабить рабочего с чистой совестью и энергией». Что — если будет много подобных мне людей? Что —если все проникнуты моими взглядами? Тогда не будет капитализма, который неизбежен, как переходная фаза и т. д. Бедный самобытник попадает, таким образом, в настоящий логический круг посылок, за которым следуют новые коцентрические круги умозаключений. Не лучше-ли «временно отречься от социализма и приложить свои силы к расширению и укреплению капитализма, если он так безусловно необходим?». «С какой стати,—говорит г. Тихомиров,—мы будем самого рабочего напитывать социалистическими

стремления к капиталистической карьере, которую ни-
идеями, отвлекающими в этом классе лучшие силы от
кто не совершает успешнее, чем выходцы из самих
рабочих?». Мы успеем вернуться к социализму, когда
капитализм исполнит свою историческую миссию и
т. д. Самобытник вечно живет в мире готовых и рез-
ко определенных фактов и понятий, не имея ни ма-
лейшего представления о процессе возникновения
этих фактов и понятий. Поэтому, управляясь, кое-как
с каждым из них в отдельности, он совершенно теряет
из виду их взаимную связь и зависимость.

Он исходит из того предположения, что без раз-
вития капитализма невозможно успешное распро-
странение социалистических идей. Но, стремясь, как
можно скорее, привести к абсурду взгляды своих про-
тивников, он медленно забывает это предположение,
и начинает толковать о том, что быстрое распростра-
нение социалистических идей помешает развитию ка-
питализма. Он соглашается признать одно явление
следствием, другое—причиной; но он опасается, что
следствие явится раньше причины и тем помешает ей
обнаружить свое действие, т. е. вызвать это самое
следствие. Наш самобытник попадает, таким образом,
в ту самую яму абсурда, которую он так старательно
рыл своим противникам. Этим последним остается
лишь вытаскивать его на божий свет с помощью сле-
дующего, весьма простого рассуждения.

Они скажут ему: если бы успешное распростра-
нение социалистических идей во всей массе народа
мыслимо было без того коренного переворота в жиз-
ненных отношениях, который вызывается капитализ-
мом, то не нужно было и толковать о каких бы то ни
было переходных фазах нашего общественного разви-
тия. Эти фазы имеют для нас значение именно пото-
му, что расчищают почву для социалистической про-
паганды. Поэтому, смешно было бы опасаться того,
что нынешняя наша пропаганда остановит развитие
капитализма в нашей стране. Но, с другой стороны,
нелепо было бы и оставлять эту пропаганду, так как
самая возможность ее есть указание на то, что исто-
рия уже подготовила для нее некоторую часть почвы.
Чем скорее возделаем мы эту часть, тем скорее совер-
шится наше историческое развитие, тем меньше жертв
и усилий будет стоить нашему народу окончание пред-
стоящего ему пути. Мы не хотим идти против исто-
рии, но мы не хотим и отставать от нее ни на один
шаг. По выражению Чернышевского, мы не жалеем ни
о чем, отживающем свое время; но мы ни на минуту
не хотим откладывать дело, которое теперь уже ока-
зывается своевременным и возможным. Мы беремся
за пропаганду наших идей, будучи в состоянии мате-
матически доказать, что каждый шаг на пути обще-

ственного развития России приближает время торже-
ства этих идей и облегчает нашу дальнейшую работу.

Мы различаемся с вами в том, что, между тем
как развитие современных экономических отношений
все более и более удаляет вас от наших общинных
идеалов, наши коммунистические идеалы все более и
более приближаются к нам, благодаря тому же само-
му развитию. Вы напоминаете человека, который, от-
правляясь на север, попал в поезд, везущий его на
юг; мы же знаем свою дорогу и садимся в тот исто-
рический поезд, который на всех парах везет нас к
нашей цели. Правда, вас смущает принятое нами на-
правление; вам кажется, что социалист не может со-
чувствовать развитию буржуазных способов произ-
водства. Но это происходит от того, что ваша логика
слишком уже самобытна.

Вы воображаете, что, оставаясь верным своим
идеалам, социалист везде и всюду должен препятство-
вать развитию капитализма. В этом случае вы опять
рассуждаете самым примитивным образом: помешать
развитию капитализма,—говорите вы,—значит, повре-
дить интересам предпринимателей; а так как интересы
последних диаметрально противоположны интересам
рабочих, то все, вредящее капиталу, принесет пользу
труду. Вы и не подозреваете, что капитализм проти-
воположен не только следующему за ним, но и пре-
дыдущему звену в цепи исторического развития, что он
ведет борьбу не только с революционными попытками
пролетариата, но также и с реакционными стремле-
ниями дворянства и мелкого мещанства. Вы горите не-
навистью к капиталу, и готовы нападать на него, где
и когда угодно. Это усердие часто заставляет вас со-
чувствовать тем поражениям капитализма, которые
могут быть выгодны одним только реакционерам.
Программа вашего «русского социализма» совпадает,
в таком случае, с программой немецких «социал-кон-
серваторов», и от прогрессивных ее тенденций не оста-
ется и следа. Чтобы избежать таких жалких мета-
морфоз, вам нужно, наконец, проникнуться диалекти-
ческим взглядом на историю. Вы, одновременно, долж-
ны поддерживать капитализм в его борьбе с реакцией
и быть непримиримыми врагами того же капитализма
в борьбе его с рабочей революцией будущего. Только
такая программа достойна партии, считающей себя
представительницей самых передовых стремлений свое-
го века. Чтобы стать на эту точку зрения, вам, опять-
таки, нужно оставить свое нынешнее положение ка-
кого то промежуточного вещества между различными
классами и слиться с рабочими.

Г. Плеханов.

(«Наши разногласия»).

Речь Г. В. Плеханова на Международном рабочем социали- стическом конгрессе в Париже. (14—21 июля 1889 г.)

Вам, может быть, странно видеть на этом рабочем
конгрессе представителей России,—где рабочее дви-
жение до сих пор, к сожалению, слишком слабо.
Но мы думаем, что революционная Россия во всяком
случае не только не должна держаться в стороне от
новейшего социалистического движения Европы, но
что, наоборот, теперешнее сближение ее с ним при-
несет большую пользу делу всемирного пролетариата.

Вам всем знакома роль русского абсолютизма в
истории Западной Европы. Русские цари были коро-
нованными жандармами, считавшими своей священной
обязанностью защищать и поддерживать европейскую
реакцию от Пруссии до Италии и Испании. Было бы
напрасной тратой слов говорить здесь о той роли,
которую, например, играл Николай в 1848 и 1849 г. г.;
ясно, как день, что падение русского абсолютизма рав-